Уголовная ответственность за дезертирство в период мобилизации и военного положения: анализ ч. 3 ст. 338 УК РФ в свете законодательных новелл 2022–2025 гг.

Лиханова Ирина Игоревна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, irene05@yandex.ru

В работе рассматривается уголовно-правовое содержание ч. 3 ст. 338 УК РФ, закрепившей ответственность за дезертирство в период мобилизации, военного положения, военного времени, а также при вооружённом конфликте или ведении боевых действий. Прослежен генезис нормы — от ФЗ от 24.09.2022 № 365-ФЗ через ФЗ от 23.03.2024 № 64-ФЗ вплоть до новелл ФЗ от 29.12.2025 № 534-ФЗ. Проанализированы разъяснения Пленума ВС РФ от 18.05.2023 № 11, проблема отграничения дезертирства от самовольного оставления части, обратная сила уголовного закона применительно к длящемуся характеру преступления. Привлечены данные судебной практики гарнизонных и окружных военных судов за 2022–2025 гг. Сформулированы предложения de lege ferenda — о распространении поощрительной нормы на квалифицированные составы и о введении основания освобождения при добровольном возвращении в часть.
Ключевые слова: дезертирство, ст. 338 УК РФ, воинские преступления, мобилизация, военное положение, ФЗ № 365-ФЗ, квалифицирующие признаки, обратная сила уголовного закона, длящееся преступление, военно-уголовное право.

Реформа главы 33 УК РФ, запущенная в сентябре 2022 г. Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647 и Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ, превратилась в одно из наиболее обсуждаемых событий новейшего российского уголовного права. Впервые после 1996 г. в Кодекс введена комплексная система особо квалифицирующих признаков, привязанная к периоду мобилизации, военного положения, военному времени, к условиям вооружённого конфликта и ведения боевых действий. Санкция ч. 3 ст. 338 УК РФ за дезертирство в эти периоды достигла пятнадцати лет лишения свободы — полуторакратного увеличения верхнего предела по сравнению с прежней ч. 2 той же статьи.

Актуальность темы держится на трёх обстоятельствах. Указ № 647 о частичной мобилизации формально не отменён, и это обеспечивает непрерывное действие квалифицирующего признака «в период мобилизации» более трёх лет подряд. Судебная нагрузка растёт: по агрегированным данным, с начала мобилизации по конец 2024 г. в производство поступило свыше 14 тысяч дел по ст. 337 УК РФ и около 683 дел по ст. 338 УК РФ; сопоставление первых кварталов 2024 и 2025 гг. даёт рост числа приговоров по ст. 338 более чем вдвое — с 68 до 151. С февраля 2023 г. детализированная статистика Судебного департамента при ВС РФ по гл. 33 УК РФ изъята из открытого доступа, и доктринальный анализ остаётся едва ли не единственной формой независимой экспертизы применяемой нормы. Методологию составили формально-догматический, сравнительно-правовой и исторический методы, анализ судебной практики.

ФЗ № 365-ФЗ перекроил архитектуру ответственности за воинские преступления. Обновлена формулировка п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ: прежняя конструкция «в условиях вооружённого конфликта или военных действий» заменена расширенной — «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий». Эта же формула как особо квалифицирующее обстоятельство включена в ст. 332, 333, 334, 337, 338, 339, 344, 346, 347, 348, 349 УК РФ. Кодекс дополнен двумя новыми составами — ст. 352.1 «Добровольная сдача в плен» и ст. 356.1 «Мародёрство». Применительно к ст. 338 УК РФ санкция за дезертирство, совершённое в особый период, поднята до пятнадцати лет лишения свободы (при нижней границе пять лет), тогда как до 24 сентября 2022 г. квалифицированный состав по прежней ч. 2 предусматривал максимум десять лет. Части 1 и 2 содержательно не менялись — новелла имеет надстроечный характер и создаёт отдельный квалифицированный состав, инкорпорирующий все объективные признаки ч. 1 и ч. 2 при наличии обстановочного признака.

Пакет новелл 2023–2024 гг. продолжил реформу. ФЗ от 24.06.2023 № 270-ФЗ установил институт освобождения от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции; в литературе сразу обратили внимание на дефекты юридической техники этого акта [8]. ФЗ от 23.03.2024 № 64-ФЗ, заменивший ФЗ № 270-ФЗ, ввёл в Общую часть УК РФ ст. 78.1 (освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации) и ст. 80.2 (освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или

военного времени). Освобождение условное, с возможностью восстановления производства. Замкнул конструкцию ФЗ от 29.12.2025 № 534-ФЗ, дополнивший ст. 338 УК РФ частью 4: дезертирство в особые периоды, совершённое лицом, ранее освобождённым условно по ст. 80.2 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. Замысел законодателя очевиден — антистимул для повторного совершения воинских преступлений лицами, получившими шанс условного освобождения. Критика реформы в доктрине идёт по двум линиям: избыточная категоричность безусловного признания совершения любого преступления в период мобилизации отягчающим обстоятельством [9] и нечёткость дефиниций «мобилизации», «военного положения», «вооружённого конфликта» [13].

Объект преступления — порядок прохождения военной службы, элемент военной безопасности государства. Господствующей в доктрине признана концепция О. К. Зателепина, согласно которой родовым объектом преступлений гл. 33 УК РФ выступает именно военная безопасность Российской Федерации [5]. Непосредственный объект дезертирства — установленный порядок пребывания военнослужащего на военной службе, предполагающий обязательное, постоянное и личное исполнение обязанностей до истечения её срока. Объективная сторона ч. 3 тождественна признакам ч. 1 и ч. 2: самовольное оставление части или места службы либо неявка в срок без уважительных причин на службу при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации. Квалифицирующим обстоятельством выступает совершение любой из этих форм в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий. В п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 18.05.2023 № 11 даны нормативные определения этих понятий: мобилизация и военное положение исчисляются с даты, указанной в соответствующем указе Президента РФ, и до даты его отмены; военное время определяется по правилам ст. 18 ФЗ «Об обороне». Принципиально важно, что в понятие «ведение боевых действий» Пленум прямо включил проведение СВО — это разъяснение обеспечило непосредственную применимость ч. 3 ст. 338 УК РФ к деяниям, совершаемым с 2022 г.

Дезертирство описывается в доктрине через двойную характеристику — как преступление с усечённым составом и одновременно длящееся. Усечённость связана с моментом юридического окончания (оставление части или неявка на службу); длящийся характер — с непрерывностью уклонения. В п. 48 Постановления № 11 впервые применительно к мобилизованным указано: моментом фактического прекращения длящегося преступления для них выступает дата окончания мобилизации либо достижение предельного возраста пребывания в запасе. Мобилизация формально продолжается — и это размывает привычные гарантии презумпции добровольного завершения длящегося преступления; вопрос о пересмотре подходов к исчислению сроков давности остаётся открытым [4]. Субъект ч. 3 ст. 338 УК РФ специальный: военнослужащий по призыву либо по контракту. После Указа № 647 круг субъектов расширен за счёт граждан, призванных по мобилизации; изменения в примечании 2 к ст. 331 УК РФ распространили ответственность также на лиц, пребывающих в добровольческих формированиях. Теоретическое осмысление специального субъекта в условиях мобилизации начато в работе Н. Е. Степаненко и соавторов [10].

Субъективная сторона — прямой умысел и специальная цель: уклониться от военной службы вовсе, навсегда либо на весь установленный срок. Именно наличие такой цели — ключевой критерий разграничения дезертирства и самовольного оставления части. В п. 45 Постановления № 11 перечислены внешние признаки, косвенно свидетельствующие об умысле на дезертирство: приобретение или изготовление подложных документов, устройство на работу под чужими данными, сокрытие факта прохождения военной службы при задержании. А. Я. Сухоруков и его соавторы критикуют сложившуюся правоприменительную инерцию: сам по себе факт трудоустройства во время отсутствия в части не должен автоматически свидетельствовать о цели «вовсе уклониться» [11]. Квалифицирующие признаки ч. 2 (дезертирство с оружием; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) при наличии обстановочного признака перерастают в признаки ч. 3: обе конструкции применяются кумулятивно. В случае хищения оружия требуется дополнительная квалификация по ст. 226 УК РФ (п. 46 Пленума).

Разграничение ст. 337 и ст. 338 УК РФ — центральная проблема правоприменения. Объективная сторона обоих составов во многом совпадает, различие проходит по линии цели: при ст. 337 — намерение временно уклониться с возвращением, при ст. 338 — цель вовсе уклониться. ФЗ № 365-ФЗ усложнил разграничение: в ст. 337 УК РФ введены три обстановочные части — ч. 2.1 (от двух до десяти суток — до пяти лет), ч. 3.1 (от десяти суток до месяца — до семи лет), ч. 5 (свыше месяца — от пяти до десяти лет). Возникла конкуренция составов: при фактически тождественной объективной стороне (отсутствие свыше месяца в период мобилизации) различие санкций ч. 5 ст. 337 (5–10 лет) и ч. 3 ст. 338 (5–15 лет) ставит исход дела в зависимость исключительно от доказывания цели. В таком режиме следствию зачастую проще идти по пути ч. 5 ст. 337, избегая работы с установлением субъективной направленности умысла [1]. Парадоксальный результат: норма о максимально опасном уклонении применяется реже, чем норма о менее опасном деянии. Е. А. Бодрова до реформы обосновывала введение предельного срока самовольного отсутствия (девяностодневный рубеж), по истечении которого деяние автоматически переквалифицировалось бы в дезертирство [1]; такого рубежа в действующей конструкции нет.

Обзор практики позволяет выделить устойчивые тенденции. Суды восприняли позицию Пленума и применяют ч. 3 ст. 338 к деяниям, совершённым с 24 сентября 2022 г. Приговором Одинцовского гарнизонного военного суда по делу восьми мобилизованных из Калининградской области (апелляция 2-го Западного окружного военного суда от 15.04.2024) по ч. 3 ст. 338 в совокупности с ч. 2.2 ст. 332 УК РФ назначены сроки 6–7 лет. В деле Лященко (Крымский гарнизонный военный суд, 2024) — 5 лет 6 месяцев колонии строгого режима с учётом смягчающих обстоятельств. В деле Саргсяна (Грозненский гарнизонный военный суд, 02.09.2025) деяние квалифицировано одновременно по ч. 3 ст. 338 и ч. 5 ст. 337 УК РФ — практика разведения эпизодов по признаку разных периодов. В деле Рамазанова (апелляция Южного окружного военного суда, 2025) отсутствие с 26 февраля 2024 г. по 14 февраля 2025 г., пресечённое при попытке выезда в Казахстан, квалифицировано по совокупности ч. 3 ст. 338, ст. 337 и ст. 330.2 УК РФ — вопрос о соблюдении non bis in idem здесь, на наш взгляд, остаётся. Преобладающая линия назначения наказания тяготеет к нижней границе санкции ч. 3 ст. 338 (5–7 лет). Оправдательные приговоры в открытом доступе с 2024 г. не зафиксированы.

Примечание к ст. 338 УК РФ содержит поощрительную норму: военнослужащий, впервые совершивший дезертирство по части первой, может быть освобождён от уголовной ответственности, если дезертирство явилось следствием стечения тяжёлых обстоятельств. На части 2, 3 и 4 это правило не распространяется — в условиях особых периодов поощрительное основание освобождения

фактически отсутствует; допустим лишь учёт этих обстоятельств как смягчающего наказание по ст. 61 УК РФ. В п. 49 Постановления № 11 Пленум раскрывает категорию «стечения тяжёлых обстоятельств» через открытый перечень неблагоприятных ситуаций (тяжёлое состояние здоровья близких, неуставные действия сослуживцев, невозможность получения медицинской помощи) и разъясняет, что при прямой угрозе жизни возможна квалификация по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Вместе с тем п. 4 того же Постановления категорически указывает: в «особые периоды» военнослужащие не вправе уклоняться от обязанностей, ссылаясь на крайнюю необходимость, даже если их жизни угрожает опасность. Внутренняя коллизия между п. 4 и п. 49 остаётся дискуссионной и фактически сужает сферу применения крайней необходимости. Компенсирующую функцию отчасти выполняют ст. 78.1 и ст. 80.2 УК РФ, однако они действуют условно и по сути представляют собой не «прощение», а отсрочку с возможностью восстановления производства.

Особого рассмотрения заслуживает обратная сила уголовного закона. ФЗ № 365-ФЗ вступил в силу 24 сентября 2022 г. и ухудшает положение лиц, совершивших дезертирство; в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ его нормы не могут применяться к деяниям, совершённым до этой даты. Но специфика длящегося характера дезертирства порождает коллизию: если деяние началось до 24 сентября 2022 г., а пресечено после, теоретически возможна квалификация по ч. 3 ст. 338 УК РФ — к моменту юридического прекращения действовал уже новый закон. Такой подход соответствует позиции Верховного Суда по длящимся преступлениям, но находится в напряжённых отношениях с принципом nullum crimen sine lege применительно к эпизодам, в которых лицо ушло из части за несколько дней или месяцев до 24 сентября 2022 г. Позиция Конституционного Суда РФ пока не сформулирована. В сравнительной перспективе российская модель ч. 3 ст. 338 УК РФ занимает промежуточное положение: по верхнему пределу санкции (пятнадцать лет) совпадает с белорусской (ч. 2 ст. 446 УК РБ) и уступает казахстанской (ч. 3–4 ст. 442 УК РК — до пожизненного). Принципиальное отличие — отсутствие специального поощрительного механизма, аналогичного § 16 (3) Wehrstrafgesetz ФРГ (смягчение до трёх лет при добровольной явке в течение одного месяца) или ч. 5 ст. 401 УК Украины в редакции Закона № 3902-IX от 20.08.2024 (освобождение при добровольном возвращении в часть и согласии командира).

Введение ч. 3 ст. 338 УК РФ Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ завершило процесс восполнения существенного пробела в российском уголовном законодательстве: до этой реформы особые периоды военного положения и мобилизации учитывались лишь как отягчающее обстоятельство, что не соответствовало их степени общественной опасности. Новый квалифицированный состав юридически корректен по своей конструкции, однако несёт в себе ряд дисфункциональных эффектов, которые обнаруживаются уже в первой волне правоприменения. Ключевой проблемой практики остаётся разграничение ст. 337 и ст. 338 УК РФ: конкуренция ч. 5 ст. 337 и ч. 3 ст. 338 при фактически идентичной объективной стороне свыше месячного отсутствия в особый период создаёт зону дискреции, способную подорвать принцип дифференциации ответственности. На наш взгляд, оправдано обсудить введение временного презумптивного рубежа (по модели Е. А. Бодровой), по истечении которого отсутствие презюмировалось бы как дезертирство с возможностью опровержения.

Система освобождения от ответственности в особые периоды нуждается в доработке. Действующее примечание к ст. 338 УК РФ не распространяется на ч. 3 и ч. 4 — значит, лишает поощрительного механизма ту категорию дел, которая сегодня стала массовой. Предлагается: распространить действие примечания (в части стечения тяжёлых обстоятельств) на ч. 3 ст. 338 УК РФ, исключив случаи дезертирства с оружием; дополнительно ввести специальное основание освобождения от уголовной ответственности при добровольном возвращении в часть в течение одного месяца с момента оставления и готовности продолжать службу — по модели § 16 (3) WStG ФРГ и ч. 5 ст. 401 УК Украины. Такая новелла не подменит собой условное освобождение по ст. 80.2 УК РФ; она создаст ранний фильтр, стимулирующий возвращение без возбуждения уголовного дела. Применительно к ч. 4 ст. 338 УК РФ, введённой ФЗ № 534-ФЗ, необходимо скорейшее обновление разъяснений Пленума ВС РФ: Постановление № 11 от 18.05.2023 её не охватывает, и судебная практика столкнётся с неопределённостью по вопросам момента окончания, применимости примечаний, соотношения с институтом рецидива.

Проблема обратной силы уголовного закона применительно к длящимся деяниям, начатым до 24 сентября 2022 г., требует системного разрешения — на уровне разъяснений ВС РФ или в порядке конституционного контроля. Принцип nullum crimen sine lege, как представляется, требует применения более строгой нормы лишь к тем эпизодам, в которых лицо после вступления закона в силу имело реальную возможность прекратить преступление, но продолжило уклонение. Назрела и необходимость восстановления открытой публикации статистики по гл. 33 УК РФ Судебным департаментом при ВС РФ — секретность агрегированных показателей не согласуется со стандартами открытости правосудия (ст. 123 Конституции РФ). Российскому законодателю при дальнейшей эволюции ст. 338 УК РФ целесообразно двигаться в направлении сбалансированной модели: сохраняя строгость ч. 3 и ч. 4 как символ общественной оценки дезертирства в особые периоды и одновременно создавая для военнослужащего дорогу к возвращению в правовое русло службы.

Литература

1. Бодрова Е. А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 56–65.

2. Бозиев Т. О., Коротков А. В. Уголовная ответственность за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы: спорные вопросы квалификации // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 75–82.

3. Закомолдин Р. В. Воинская преступность в период проведения специальной военной операции // Вестник военного права. 2025. № 3. С. 60–64.

4. Закомолдин Р. В., Данилов П. С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств // Искусство правоведения. 2023. № 3 (7). С. 49–56.

5. Зателепин О. К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации: монография. М.: за права военнослужащих, 2013. 320 с.

6. Мялицына М. А. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 381–387.

7. Рарог А. И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 45–52.

8. Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в усло-

виях проведения специальной военной операции на Украине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 35–42.

9. Созонов Я. В. Совершение преступления в период мобилизации как отягчающее наказание обстоятельство // Символ науки: международный научный журнал. 2024. Т. 2. № 3-2. С. 129–131.

10. Степаненко Н. Е., Бондарев Д. В., Котенков Р. Р. К вопросу о субъекте преступления против военной службы // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 7 (324). С. 62–74.

11. Сухоруков А. Я., Титаренко А. П. К вопросу о признаках, свидетельствующих об умысле на дезертирство (статья 338 УК РФ) // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2 (23). С. 49–51.

12. Уторова Т. Н., Шалегин С. П. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. 2023. № 3 (63). С. 27–34.

13. Шапель А. И. К вопросу о новеллах уголовного законодательства, связанных с частичной мобилизацией в России // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках: матлы Междунар. науч.-практ. круглого стола. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2023. С. 96–101.

14. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

Criminal liability for desertion during mobilization and martial law: analysis of part 3 of article 338 of the criminal code of the Russian Federation in the light of legislative amendments of 2022–2025

Likhanova I.I.
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg

The article examines the criminal-law content of Part 3 of Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for desertion committed during mobilization, martial law, wartime, and armed conflict. The genesis of the norm is traced — from Federal Law No. 365-FZ of 24.09.2022 through Federal Law No. 64-FZ of 23.03.2024 to Federal Law No. 534-FZ of 29.12.2025. The explanations of the Plenum of the Supreme Court of 18.05.2023 No. 11 are analysed, as well as the issue of distinguishing desertion from unauthorized abandonment of the unit, and the retroactive force of criminal law in relation to the continuing nature of the offence. Data of judicial practice for 2022–2025 are used. Proposals de lege ferenda are formulated.

Keywords: desertion, Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation, military crimes, mobilization, martial law, Federal Law No. 365-FZ, aggravating elements, retroactive force of criminal law, continuing offence.

References

1. Bodrova E. A. Distinction between Unauthorized Abandonment of a Unit or Place of Service and Related Crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (102). Pp. 56–65.
2. Boziev T. O., Korotkov A. V. Criminal Liability for Evasion of Military and Alternative Civilian Service: Controversial Issues of Qualification // Journal of Legal and Economic Research. 2023. No. 4. Pp. 75–82.
3. Zakomoldin R. V. Military Crime during a Special Military Operation // Bulletin of Military Law. 2025. No. 3. Pp. 60–64.
4. Zakomoldin R. V., Danilov P. S. Military Duty as an Object of Criminal-Law Protection and Criminal Encroachments // Art of Jurisprudence. 2023. No. 3 (7). Pp. 49–56.
5. Zatelepin, O. K. Criminal-Legal Support for Military Security of the Russian Federation: Monograph. Moscow: Za Prava Voennosluzhashchikh, 2013. 320 p.
6. Myalitsyna, M. A. Conscription Evasion: There Is Responsibility, but No Standards // Voprosy Rossiyskoy Justisy. 2022. No. 21. Pp. 381–387.
7. Rarog, A. I. Military Criminal Law of Russia: Status and Prospects // The Rule of Law: Theory and Practice. 2023. No. 3 (73). Pp. 45–52.
8. Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G. Main Directions for Further Improvement of the New Criminal Legislation Adopted in the Context of a Special Military Operation in Ukraine // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (63). Pp. 35–42.
9. Sozonov Ya. V. Committing a Crime During Mobilization as an Aggravating Circumstance // Symbol of Science: International Scientific Journal. 2024. Vol. 2. No. 3-2. Pp. 129–131.
10. Stepanenko N. E., Bondarev D. V., Kotenkov R. R. On the Issue of the Subject of a Crime against Military Service // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. 2024. No. 7 (324). Pp. 62–74.
11. Sukhorukov A. Ya., Titarenko A. P. On the Issue of Signs Evidence of Intent to Desert (Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2023. No. 2 (23). Pp. 49–51.
12. Utorova T. N., Shalegin S. P. Current Trends in the Development of Military Criminal Legislation in Russia // Bulletin of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. 2023. No. 3 (63). Pp. 27–34.
13. Shapel A. I. On the Issue of Criminal Legislation Amendments Related to Partial Mobilization in Russia // Amendments to the Criminal Cycle Legislation and Their Reflection in Criminal Law Sciences: Proceedings of the International Scientific and Practical Round Table. Tyumen: Tyumen State University, 2023. pp. 96–101.
14. On the Practice of Considering Criminal Cases Concerning Crimes Against Military Service by the Courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 18, 2023, No. 11 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 7.
15. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of September 24, 2022, No. 365-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: April 1, 2026).